

## Глава VIII.

**Сознание, интенциональность и Фон*****1. Введение в проблематику Фона***

Цель данной главы — объяснить взаимоотношение сознания и интенциональности, с одной стороны, и способностей, возможностей, «фонов» (background), которые позволяют нашим ментальным состояниям существовать, с другой. Я называю эти способности и т.д. — все вмещающее («the Background») с заглавной буквы «Ф», дабы прояснить, почему я использую это слово в особом смысле. Поскольку мои взгляды на сознание и интенциональность развивались после того, как я написал «Фон» (1983), я также объясню эти изменения и свои мотивы.

В начале 70-х годов я начал исследовать те явления, которые я называю «Фоном» и развивать тезис, который называю «гипотезой Фона». Изначально данный тезис был утверждением по поводу буквального значения (Searle 1978), но, как я теперь полагаю, то, что относится к значению, также применимо и к преднамеренному значению, к значению говорящим, да и ко всем формам интенциональности — к сознательному, так и к неосознанному. Тезис Фона есть буквальный

Чтобы далее развить этот тезис, мне потребуется повторить различие между Фоном и Сетью. В целом интенциональные состояния не могут определять условия выполнимости. Для того, чтобы определенное убеждение или желание, я должен иметь целую Сеть убеждений и желаний. Так, к примеру, если сейчас я хочу хорошо поесть в ресторане, то я должен иметь множество других убеждений и желаний. Убеждения, что поблизости есть рестораны, что рестораны — это место такого рода, где подается еда, а еда — вещь такого рода, которую можно есть, определенные суммы денег и съесть в ресторанах в определенное время — так — более или менее бесконечно — далее. Проблема, тем не менее, не в этом: даже если бы мне хватило терпения перечислить все другие убеждения, которые участвуют в складывании Сети, придающей смысл моему желанию хорошо поесть в ресторане, я все равно остался бы с тем же самым желанием, которую передо мной поставило мое изначальное желание, а именно с желанием интенциональности не является, так сказать, самоинтерпретируемым. Оно по-прежнему служит объектом бесконечного ряда различных интенциональных состояний. Что же касается данного интенционального содержания моего желания, то можно обладать этим самым содержанием и по-прежнему при этом иметь в виду конечным числом различных и несогласующихся способов. Каким образом это конституирует еду, пищу, ресторан? Все эти понятия служат объектом различных интерпретаций, а последние отнюдь не фиксируются данным интенциональным состоянием. В дополнение к Сети нам нужен Фон способностей, которые сами не являются частью этой Сети. Более того, вся Сеть нуждается в Фоне, поскольку элементы Сети не являются самоинтерпретирующими и самоприменимыми.

Тезис Фона (в который я сейчас включаю утверждение о Сети) обосновывает очень сильное утверждение. Оно по крайней мере, следующее:

1. Интенциональные состояния не функционируют а

Если упрощенно (*naively*) рассматривать Фон, то следуем витгенштейновским примером с картиной, изображающей человека. Ее ведь можно интерпретировать и как картину человека, идущего назад с горы. И ничто, внутренне присущее самой картине, не заставляет нас интерпретировать ее как изображение человека в данной ситуации. Идея Фона как раз и заключается в том, что характерное для картины и для интенциональности в целом.

В прошлом столетии и немного позднее явления того рода, «Фон», были признаны рядом философов, придерживавшихся различных убеждений. Ницше, безусловно, не был первым, кто осознал феномен, но он один из тех, кто в наибольшей степени осознал его сущность: Фон не обязательно должен быть таким, каков он есть. Ничто не гарантирует, что имеющийся у нас Фон является именно тем, что он есть. Деятельность позднего Витгенштейна в значительной мере касается Фона<sup>1</sup>. Если говорить о современных авторах, то наиболее близким к Фону является понятие *habitus* (1990) у Бурдьё.

В данной главе я прежде всего в общих чертах обрисую пользу тезиса Фона, и, таким образом, попытаюсь обосновать феномен Фона в качестве отдельной категории для исследования. Вторых, я заново сформулирую тезис Фона в свете проведенного обсуждения отношений между сознанием, бессознательным и интенциональностью. В-третьих, я обсужу различные следствия, вытекающие из тезиса Фона. В частности, я попытаюсь избежать различных недоразумений, порожденных различными толкованиями, которые, как мне представляется, породила концепция Фона. В-четвертых, я начну давать общую оценку Фона.

номер 5 вводит нас в суть аргументации: одно и то же буквальное предложение может определять различные условия выполнимости, например, различные условия истинности, относительно различных фоновых предпосылок, и буквальное значение не будет определять никаких условий истинности в зависимости от соответствующих фоновых предпосылок. Далее (пункт 6) утверждается, что предпосылки не включены и не могут быть включены в буквальное значение предложения. Так, к примеру, если вы рассмотрите конкретные проявления слова «резать» в предложениях вроде «Сэм разрезал металл», «Салли разрезала ткань» и «Я только что порезал кожу», то вы увидите, что это слово означает одно и то же в каждом из них. Это подтверждается тем, что конъюнктивная (conjunction) редукция применима к проявлениям «резать» со всеми объектами. Можно, например, сказать: «Дженерал Электрика изобрела новое устройство, которое будет резать металл, резать торты, резать кожу». А затем можно просто исключить три последних проявления «резать» и оставить: «Дженерал Электрика изобрела новое устройство, которое будет резать металл, торты, ткань и кожу». Обратите внимание, что слово «резать» в этих проявлениях от своих изначально метафорических проявлений отличается. «Салли пропустила (cut) два занятия на прошлой неделе», «Профессорские зарплаты», «Рейдеры» сократили (cut) список дел». В каждом случае слово «резать» будет употребляться небуквально. Эта редукция опять же показывает это. Если я скажу: «Дженерал Электрика изобрела устройство, которое будет резать металл, торты, ткань и кожу, а также «и зарплаты, занятия и списки», то все это обернется плохим примером, подобные высказывания включают буквальное проявление «резать», но при обычном понимании данного слова в каждом конкретном предложении оно интерпретируется по-разному. Вы также сможете увидеть, если вообразите соответствующую императивную версию так: «Разрежьте металл», а вы поспешите и попытаетесь это сделать.



практиках, ноу-хау, различных способах что-то делать и т.д.), и зафиксировать различные интерпретации, даже несмотря на то, что значение конкретного выражения останется постоянным.

Итак, почему же это можно считать важным результатом наших представлений о языке, значение предложения есть функция значения составляющих его частей и их синтаксического отношения в предложении. Так, мы понимаем предложение «Джон любит Мэри» иначе, нежели предложение «Мэри любит Джона» именно из-за позиционности. Далее, мы вообще лишь потому способны понимать предложения, что они составлены из значимых элементов, чьи значения фиксированы историческими конвенциями. Таким образом, принцип композиционального значения абсолютно необходимы любой последовательной концепции языка. Однако, хотя они и необходимы для концепции языка, ясно, что они все же не достаточны. В дополнение нам еще требуется нерепрезентативный Фон.

Заманчиво полагать, будто этот аргумент основывается на крайних случаях, маргинальных случаях и т. д. Но это заблуждение. Проблема все-таки все-таки возникает, даже если достигнута полная ясность, если лексические двусмысленности устранены. Вы поймете это, если увидите, что постоянных усилий для достижения точности не достаточно, требуется Фон. Представим, например, что я иду в ресторан и говорю буквально следующее: «Принесите мне отбивную с картошкой». Даже несмотря на то, что данное высказывание и понимается буквально, количество его возможных неправильных интерпретаций, строго говоря, бесконечно. Я, к примеру, предполагаю, что принесут еду домой или на мое рабочее место. Я также предполагаю, что отбивная не будет покрыта бетоном или окаменеет. Ее не затопят, не украдут из карманов или не размажут мне по голове. Однако же ни одна из этих

действительно не знали бы, что делать. Было бы несложно ввести фонковую практику, которая зафиксировала бы буквальную интенцию одного из этих предложений, однако, без подобной практики невозможно использовать буквальное значение предложения.

В новейшей лингвистике проблемы Фона в известной мере решены (см. статьи в: Davis 1991, к примеру, статьи Робина Карстона и других), однако, те дискуссии, которые я наблюдал, затрагивают актуальность проблемы. Например, нынешняя дискуссия касается отношения между буквальным значением произнесенного предложения, содержанием, что произносит говорящий, и тем, что подразумевает говорящий при высказывании. Так, к примеру, в предложении «Я позавтракал» его значение не указывает на день, когда оно было высказано. Исторически естественным образом интерпретировали это высказывание как утверждение содержания, что говорящий завтракал *сегодня*, то есть в день высказывания. Поэтому «Я позавтракал» контрастирует с «Я был на завтрак», с высказыванием, которое отнюдь не сообщает того, что я был на завтрак. Или рассмотрим другое широко обсуждаемое предложение: «Джону ключ, и он открыл дверь». Высказывание, содержащее это предложение, естественным образом передавало бы, что *вначале* Джон дал ключ, что позднее он открыл дверь, и что он открыл дверь (с помощью key). Много спорят по поводу механизмов, с помощью которых это дополнительное содержание, если только оно не закодировано в буквальном значении предложения. Безусловно правильное предложение заключается в том, что значение предложения, по крайней мере, до некоторой степени недоопределяет содержание сказанного. Я же утверждаю, что предложение *радикально* недоопределяет содержание сказанного. Приведу примеры, о которых я только что говорил. Никто не будет строить различия между «Я позавтракал» («I have had breakfast») по аналогии с «У меня двойня» («I have had twins»). То есть, учитывая наш настоящий

своего желудка». Разумеется, подобные интерпретации были бы абсурдными, однако, в семантическом содержании данного предложения ничего, что блокирует подобные безумные интерпретации.

Существует ли какой-то способ дать объяснение всем этим без столь крайнего требования, как тезис Фона? Ну, давайте попробуем. Одна, обязанная Франсуа Реканати идея<sup>4</sup>, следующая: данная ситуация допускает бесконечное число описаний, поэтому любая стическая интерпретация всегда будет неполной. Если кто-то «разрезает» пилюлю по нему пилой, то будет правильным сказать: «Он разрешил пилюлю, и мы бы удивились, если бы об этом событии сообщалось именно в таком предложении. Однако наше удивление не имеет никакого отношения к пониманию и т.д. У нас просто есть основанный на индукции закон, что пилюль, и данное сообщение, хотя оно и верное, было неполным, и отсутствует объяснение того, чем указанное разрезание отличается от того, к чему мы привыкли.

Реканати говорил мне, что он не согласен с этим взглядом. Я нахожу его существенным и вместе с тем провокающим. Хотел бы рассмотреть его далее. Это предположение следующее: данное значение фиксирует условия истинности в изоляции, но оно не объясняется системой экспликации, и эта система работает совместно с данным значением. Реальная проблема, навеянная указанным, заключается в том, что как только все подлинные двусмысленности устранены из предложения, у нас по-прежнему останется неполнота. Слова в своей основе неясны, а определения все более и более точные, понимание становится более точным и полным от того факта, что оно *дополнено* набором укоренившихся ожиданий. Поэтому не стоит говорить:

Буквальное значение только определяет условия истинности.



Полагаю, что это сильный и привлекательный аргумент. И два ответа на него. Если вопрос касается неполноты, то мы до полноты путем добавления других предложений. Но мы не можем. Как я уже указывал ранее, каждое добавляемое предложение подвержено неверным толкованиям, пока оно не будет зафиксировано Фонем. Во-вторых, если вы предполагаете радикальный разрыв между буквальным значением и дополнительными «предположениями», то вы не можете применять буквальное значение вне зависимости от того, каковы предположения. Но вы не можете этого сделать. Так, например, использование слова «резать» осуществляется с учетом той информации, что некоторые объекты в мире настолько тверды, что не допускают разреза в них путем физического давления инструментов. Без этой информации я не смогу интерпретировать большинство употреблений слова «резать». Но ведь это предположение не является частью буквального значения слова, если оно являлось таковым, то тогда внедрение лазерных режущих инструментов привело бы к изменению значения данного слова, а этого не произошло. Я могу вообразить буквальные употребления слова «резать» в тех ситуациях, где это предположение будет ложным. Можно вообразить различные способности, при которых фраза «Разрежь озеро» будет со-  
 3

На мой взгляд, если до конца развивать эту аргументацию, то можно показать, как в случае постулирования полного разрыва между значением и Фонем, получается скептицизм в духе Крипке — Витгенштейна (1982), ибо тогда можно было бы говорить, что угодно, и по-прежнему это было бы истинно<sup>3</sup>. Если у вас имеется радикальный разрыв между значением и Фонем, то тогда в отношении значения все позволено. А это предполагает, что в общепринятом смысле возможно только относительно Фонем. Опытаюсь доказывать здесь какие-либо общие положения о семантическом скептицизме.

Моя стратегия не является разрывом с традицией, но она



сти пропозициональным содержанием, как и буквально утверждение «Фоня разрезала торт». И поскольку мы употребляем специальные термины («интенциональность»), то обращение к обычному употреблению терминов не решит. Но если вы таким образом используете понятие интенционального содержания, что его выражением окажется буквальное значение, то будет следовать, что фоновые ограничения в равной мере относятся к обоим. Я, конечно, способен вообразить и иные таксономии, но мне представляется, работает лучше всех.

Удобно наблюдать роль Фона в случаях какого-либо перелома, и конкретный пример это проиллюстрирует. Приглашенный профессор философии в (университет) Беркли, где посетил семинары, посвященные философии науки, был удовлетворен представленной там аргументацией. В один из дней он почувствовал небольшое землетрясение. И это, наконец, убедило его, поскольку он ранее говорил мне, хотя до этого момента у него и не было веры в существование или гипотезы, что поверхность земли не движется, он просто считал это очевидным. Дело в том, что «принимать нечто за очевидное» должно обозначать интенциональное состояние, тождественное с наличием или наличием гипотезы.

Решающий шаг в понимании Фона заключается в том, что можно быть приверженным истине некоторого утверждения, не имея в качестве интенциональным состоянием содержания. Я, например, могу быть приверженным к утверждению о твердости объектов без того, чтобы каким-либо образом явно — верить или быть убежденным в этом. Но тогда, каков же характер приверженности? — По крайней мере, следующий: я не могу, в соответствии с моим поведением, отрицать это утверждение. Ведь я не могу, когда сижу на стуле, нагибаюсь над этим столом и опираюсь ногами на этот пол, отрицать, что объекты тверды, ибо само мое поведение

вообразить язык, в котором значения связаны не только с типичной последовательностью знаковых обозначений данного типа. В первый раз в дискурсе написание «Франция» могло бы употребляться для указания на Францию, но во второй раз для указания на Англию, Германию и т.д. Синтаксической единицей в данном случае является не традиционный смысл, но последовательность знаковых написаний. Это относится и к системам оппозиции, которыми так увлекались структуралисты (например, оппозиция горячего в противоположность холодному, женского — мужскому, жизни — смерти, востока — западу, весны — осени и т.д.). Все это имеет фоновое основание. Нет никакой необходимости вводить оппозиции. Легко вообразить существа, для которых было бы невозможно противопоставлять восток югу или для которых было бы непонятно противопоставление востока западу.

### ***3. Сеть является частью Фона***

Сейчас я попытаюсь в точности объяснить, как мой нынешний взгляд на отношения между сознанием, бессознательным и интенциональным миром, который я изложил в предыдущей главе, модифицирует — надеюсь, в лучшую сторону — мою прежнюю концепцию Фона. Согласно точке зрения, которую я высказывал ранее, я рассматривал сознание как набор психических элементов. В любой данный момент, некоторые из них сознательны, а некоторые — бессознательны. Например, я могу сознательно полагать, что Буш — президент США, а могу придерживаться этого верования бессознательно, явным образом. Существует также и во время сна. Является ли разделением этого верования также и во время сна. Является ли необходимым ни для психических явлений, ни даже для физических опытов, как то, по-видимому, показывают эксперименты Вайса, наличие сознания?

Согласно такому взгляду, некоторые явления, которые я рассматривал ранее как верования, по-видимому, неестественно

исходные предположения о том, что предметы — твердые, Фона? А как насчет верования в то, что Джордж Буш носит ни то, что у него два уха? Они тоже части моей бессознательной Сети. Такая новка вопроса ошибочна, и это должно быть для нас очевидно. Такое представление как на набор ментальных состояний привел бы к катастрофе при попытке провести разграничительную линию между Сетью и Феном. То, что Фон состоит из множества способностей, а Сеть вообще не имеет никакого отношения к способностям, но к интенциональным состояниям.

Сейчас я думаю, что это было настоящей ошибкой — допустить, что некий набор ментальных состояний, некоторых сознательных, и некоторых бессознательных. И язык, и культура склоняют нас к принятию такой картины. Мы думаем о памяти, как о хранилище пропозиций и образов, вроде библиотеки или хранилища представлений. Но нам следует рассмотреть ее скорее, как механизм для производства действий в настоящем, а не как хранилище. Сознательные мысли и действия, основанные на прошлом опыте, должны быть переработаны, чтобы избавиться от рассматривания Фона как множества, набора психических явлений, потому что единственная реальность ментального как такового — это сознание.

Верование в действительную реальность, которая состоит из определенных психических состояний, и в то, что она отличается от Фона, есть иллюзия, основанная в значительной степени на грамматике языка. Даже если Джонс спит, мы скажем, что он верит, что Буш знает французский и что он знает правила французской грамматики. Итак, мы делаем предположение, что в мозге заключены (и тоже спят) его верование в то, что Буш — француз, и знание французского. Но фактически весь его мозг состоит из миллионов нейронных структур, чья работа на настоящее время по большей части остается загадкой, и которые позволяют ему думать и действовать, когда он делает многие прочие вещи, они делают возможным для него ду-



Рисуя такую картину, как мы учтем все те интуиции, что мы привнесем в наш начальный тезис о Фоне, и к различию между Фоном и Сетью, к анализу, проведенному мной в предыдущей главе, когда мы описали Фона как имеющего бессознательное верование, мы опишем Фона как нейрофизиологию в терминах ее диспозициональной способности вызывать сознательные мысли и поведение. Но если сказанное верно, то по-видимому, следует, что Сеть бессознательной интенциональности является частью Фона. Действительная онтология тех частей Сети, которые являются бессознательными, та же, что и у нейрофизиологической способности, и она полностью состоит из таких способностей.

Дальше — лучше. Вопрос о том, как отличить Сеть от Фона, заключается в том, что Сеть — это та часть Фона, которую мы описали в терминах способности вызывать сознательную интенциональность. Но мы еще не знаем, что лежит под почвой под ногами, так как у нас еще остался вопрос, что позволяет нам сказать, что интенциональность функционирует на фоне множества диспозициональных способностей? Почему, например, способность порождать мысли о том, что Буш — президент, должна быть отделена от способности порождать мысли о том, что предметы — твердые? И способны ли мы отличить Сеть от Фона между функционированием бессознательной интенциональности и функционированием диспозициональными способностями? По-видимому, мы поменяли проблему между Сетью и Фоном на проблему различия между интенциональностью и диспозициональностью в пределах Фоновых способностей.

Итак, нам необходимо провести еще несколько различий.

1. Нам нужно различать между тем, что находится в центре фонового внимания и тем, что находится на периферии, границах фонового внимания, и ситуативностью наших сознательных опытов, как опытов, в некотором смысле это есть различие переднего и заднего плана фонового внимания, сейчас не занимает.

2. Нам нужно отличать репрезентативные психические

тельно класса способностей, которые не являются и не могут быть частью сознательного состояния. Актуальное содержание само по себе не является основанием для того, чтобы определить условия достоверности.

От первоначальной интуиции, что интенциональные способности являются частью неинтенционального Фона, осталось только следующее: даже если мы рассмотрим все содержимое сознания как класс сознательных правил, мыслей и т. д., для их объяснения вам все еще будут нужны Фоновые способности. Потери состоят в следующем: нет действительной реальности вне Фона. Сети интенциональности, Сети, которая в целом поддерживается Фоном, также нуждается в поддержке со стороны Фона. Вместо того чтобы сказать: «Чтобы иметь верование, нужно иметь множество прочих верований», мы должны говорить: «Чтобы иметь сознательную мысль, нужно иметь множество прочих сознательных мыслей. И эти способности в целом требуют дальнейшие способности для своего применения».

Теперь класс способностей будет состоять из тех, которые являются сознательно усвоенными правилами, фактами и т. д. Например, вы учились правилам бейсбола, правилу, что в США водят машины по правой стороне дороги, и тому факту, что Джордж Вашингтон был первым президентом. Меня не учили никаким правилам ходьбы и не учили, что Земля твердая. Из этого факта выводится первоначальная интуиция о различии между Сетью и Фоном. Некоторые способности являются способностями имитировать и применять правила, принципы, верования и т. д. в своих действиях. Но они все еще нуждаются в Фоновых способностях для своего применения.

Если подумать о твердости предметов, можно сформировать такое верование, что предметы твердые. Верование в твердость предметов становится таким же верованием, как и все остальные верования, более общим.

#### ***4. Обычные неверные представления о Фоне***

Существует несколько аспектов непонимания значения гипотезы, которую я хочу их устранить прямо сейчас. Во-первых, много философов, опираясь на гипотезу о Фоне, обескуражены ею в высшей степени. Кажется, что значение, интенциональность, рациональность и т. д. оказываются под угрозой, если их применение основывается на существующих биологических и культурных фактах, связанных с этими существами. Некоторых особо чувствительных философов даже осознание того обстоятельства, что проект основания истины и рациональности на некотором чистом фундаменте, на неопровержимости необходимых и бесспорных истин ошибочен в принципе, кажется даже кажется, что невозможно иметь теорию Фона, потому что предпосылка всякой теории, и в некоторых крайних случаях даже то, что любая теория невозможна, потому что теория опирается на необоснованных предположений.

Я хочу заявить против этого взгляда, что открытие Фона показывает только то, что определенная философская концепция ошибочна. Оно не угрожает ни одному аспекту нашей познавательной жизни, включая нашу повседневную теоретическую жизнь. Открытие не показывает, что значение и интенциональность являются устойчивыми или неопределимыми, что мы никогда не сможем понять того, чтобы нас понимали, что коммуникация невозможна; оно просто показывает, что все это функционально. Более того, тезис о Фоне не показывает, что теоретизировать невозможно, напротив, Фон сам кажется мне прекрасной возможностью теоретизирования, что, как я надеюсь, иллюстрирует эта глава.

Также важно указать на то, что Фон не имеет метафизического



трансцендентальные обоснования для наших рассуждений. Главная предпосылка наших рассуждений состоит в том, что мы живем в мире явлений.

Одно неправильное понимание Фона, чрезвычайно распространенное в теориях интерпретации текста, состоит в ошибочном предположении, что любое понимание должно включать некоторый акт интерпретации. То есть, что всякий раз когда кто-то понимает что-то, он понимает это определенным образом, но не другим, и из факта, что альтернативные интерпретации возможны всегда, просто не следует, что во всех рассуждениях мы должны делать постоянные «акты интерпретации». Чье-либо непосредственное или мгновенное понимание выражения всегда возможно только оттого, что мы знаем, что дерево имеет обратную сторону. Но из этого не следует, что здесь есть некоторый отдельный акт интерпретации, некоторый отдельный *акт*, включенный в нормальное понимание. Это не делается в тех теориях познания, которые утверждают, что мы должны делать умозаключение, если мы смотрим на одну сторону дерева, но не знаем, что дерево имеет обратную сторону. Напротив, единственное, что мы здесь делаем, так это просто видим дерево как реальное дерево. Если наличие другого Фона можно интерпретировать восприятием дерева определенным образом (например, видеть это как двумерную сценическую картину), но из факта, что возможности альтернативных интерпретаций существуют, не следует также, что обычное восприятие всегда включает акты интерпретации или что при этом совершается ряд заключений, протекающих в рамках моральных психических процессах и завершающихся выводами, основанными на воспринимаемых данных.

Фон никоим образом не является системой правил. В этом допущении, как мне кажется, состоит слабость понятия дискурсивности Фуко (1972) и раннего исследования практики Бурдьё и Паскаля (1977). Оба думали, что правила неотъемлемы от те-

имеют то же самое интенциональное содержание, что и репр. состояния. Верованис, что вода мокрая, я могу сделать полным, сказав, например: это верование, что вода мокрая. Но п. имеет никакого интенционального содержания, в этом смысле репрезентировать его так, как если бы он состоял из множества ных содержаний. Это не означает, что мы не можем описать функционирование не может быть проанализировано, или что духе. Я пытаюсь обнаружить подступы к началу анализа Фона

## 5. Дальнейшие свойства Фона

Можем ли мы создать географию Фона? Можем ли мы создать составляющих? Однако любая таксономия требует принципов. Пока мы не имеем ясного понятия о том, как функционирует, мы не сможем сконструировать адекватную таксономию. Тем не менее мы можем приступить к этому. В работе *Интенциональность* (Seag) дал, что нам следует проводить по крайней мере следующие различия между теми свойствами Фона, которые являются общими для всех, и свойствами, которые связаны с локальными, культурными практиками. Он противопоставлял одно другому как «глубинный Фон» — «локальный Фон». Различия локальных Фонов затрудняет перевод с одного языка на другой. Глубина глубинного Фона делает этот перевод в принципе невозможным. Читали описание званого обеда в доме Германтов у Пруста, и мы пришли в замешательство от некоторых его особенностей. Это связано с различиями в локальных культурных практиках. Но там были особенности, которые вы могли принимать как данность. Например, участники обеда ели едой свои уши. Здесь задействован глубинный Фон. Я также хочу отметить различие между знанием того, как делать вещи, и знанием о том, как

ствия и восприятия, а Фон есть условие возможности фонового действия. Подумайте о любом обычном эпизоде вашей жизни бодрствования: Вы кушаете, гуляете в парке, пишете письмо любовью или едете на работу. В каждом случае условие действия — лежащая в основе Фоновая способность. Фон не требует применения интенционального содержания, состоящего, например, чтобы «ехать на работу», но само существование интенционального содержания в первую очередь требует Фоновых способностей — механизма вы даже не можете иметь интенциональности, например, с «ездой на работу».

3. *Интенциональность имеет тенденцию вырастать до уровня способности.* Так, например, начинающему лыжнику может быть дана интенция направлять лыжи вниз со склона, средний лыжник может иметь интенцию «повернуть налево», а опытный лыжник может просто иметь интенцию «проехать». В лыжных гонках, например, тренеры будут пытаться содействовать интенциональности, который необходим, чтобы выиграть гонку. Это дает огромное основание из Фоновых способностей. Таким образом, можно инструктировать лыжника «Будь ближе к воротам в повороте перед тем как нырнуть, красные ворота» и т. д. Также точно, как в английском, у меня нет интенции согласовывать существительные с глаголами в единственном числе или существительные с глаголами множественного числа — я просто говорю.

4. Хотя интенциональность поднимается до уровня Фонового действия, она охватывает все аспекты вплоть до оснований способности. Другой способ сказать, что все произвольные дополнительные действия, изведенные в пределах интенционального действия высшего уровня, являются интенциональными. Так, например, хотя я могу сказать, что я не хочу, чтобы кто-то был рядом со мной, это не является интенциональным, потому что я не могу контролировать это.



Фона, будь то в действии, восприятии и т. д., должно само вступать в раз, когда есть какая-либо интенциональность — сознательная и бессознательная. «Фон» не изменяет последовательность событий, которые происходят; скорее Фон состоит из психических способностей, действий, манер поведения, ноу-хау, выдержки и т. д. Причем способности могут получить выражение только в том случае, если есть некоторое интенциональное явление, такое как интенциональное восприятие, мысль и т. д.

## Глава IX.

**КРИТИКА КОГНИТИВНОГО РАЗУМА*****1. Введение: шаткие основания когнитивной науки***

На протяжении более чем десяти лет, а на самом деле, со времени основания этой дисциплины, я являюсь практикующим «ученым-когнитивистом». В это время я наблюдал за чрезвычайно важной работой и прогрессом этой дисциплины. Тем не менее, как дисциплина когнитивная наука страдает от того, сколько из ее самых заветных основополагающих предположений являются ложными. Работать можно и на основании ошибочных предположений, но это создает излишние трудности. В этой главе я хочу разоблачить и опровергнуть некоторые из этих ложных предположений. Они вытекают из систематических ошибок, которые я описал в первой и второй главах.

В когнитивной науке нет общего согласия относительно основополагающих принципов, но в основном ее направлении существуют общие черты, заслуживающие того, чтобы их специально рассмотреть. Будь я ученым-когнитивистом, принадлежащим общему направлению, я заявил следующее:

ное предположение, стоящее за когнитивной наукой, за то, что мозг — это компьютер, и все мыслительные процессы вычислительными. Поэтому многие из нас полагают, что искусственного интеллекта (ИИ) (artificial intelligence (AI)) является когнитивной наукой. Среди нас существуют споры относительно является ли мозг цифровым вариантом старой разновидности фон Ньумана или коннективным (connectionist), которым из нас удастся существенно преуспеть в этом. То, что мы считаем, что серийные процессы в мозге реализованы в параллельно работающей коннективной системе (например, в нейронных сетях), почти все мы соглашались с тем, что когнитивные мыслительные процессы являются бессознательными, что они, по большому счету, являются бессознательными, а также, что они являются вычислительными.

Я не согласен ни с одним существенным утверждением, сделанным в этом абзаце, и я уже критиковал некоторые из них в предыдущих главах. В частности утверждение о том, что существуют глубинные мыслительные процессы. Главной целью этой главы является критика некоторых аспектов концепции вычисления.

Я думаю, что невозможность этой исследовательской программы будет гораздо проще объяснить, если мы с самого начала рассмотрим конкретному примеру: в теории ИИ большие надежды были возложены на программы, используемые в SOAR.<sup>1</sup> Строго говоря, это не разновидность компьютерной архитектуры, а не программы, выполняемые в SOAR, рассматриваются как примеры ИИ. Такая программа заложена в робота, способного передвигать кубики. Так, например, робот отряда «Возьми кубик и передвинь его на три интервала влево».